

Нужно учить специфику гуманитарных наук

Вице-президент Российской академии наук, директор Института археологии РАН академик **Николай Андреевич Макаров** ведет гуманитарное направление науки. По его мнению, эти ветви знания и дисциплины объединяет стремление укрепить свои позиции в условиях реформ, обозначить свои возможности и обосновать свою актуальность.

— **Николай Андреевич, когда вы поступали на истфак МГУ, сразу знали, что это будет археология?**

— Нет, не сразу. Мне интересны многие гуманитарные науки, поэтому я мучительно выбирал, чем заниматься. В конечном итоге это оказалась археология. Меня всегда привлекала начальная русская история, Средневековье. Мне показалось, что археология дает больше возможностей для изучения этой эпохи. Это инструмент для решения больших исторических вопросов. Археология интересна тем, что она имеет дело с конкретными материальными памятниками — остатками сооружений, погребениями, бытовыми предметами. И она дает возможность контакта с прошлым через эти материальные объекты. В этом ее особое обаяние.

— **Какие важные события происходят в этом году в вашем институте?**

— У нас было два больших события. Во-первых, столетие российской академической археологии. Отсчет ведется от учреждения в 1919 г. Российской академии истории материальной культуры, ставшей основой для создания Института археологии РАН. Мы позиционировали этот юбилей как общий юбилей всех институтов археологического профиля. Отмечали эту дату вместе с нашими коллегами из институтов в Петербурге и Новосибирске. Издали специальную большую книгу по истории

академической археологии в Москве. Кроме того, мы собрали ведущих археологов из крупнейших научных институтов мира на конференции «Археология в XXI веке», чтобы обсудить настоящее и будущее нашей науки. Как меняется археология: какие новые проблемы встают на повестке, каковы сегодня главные угрозы сохранению археологического наследия, как ориентироваться в огромных массивах новых материалов, собранных за последние десятилетия. Конференция проходила в стенах академии, и для меня очень важно, что она показала себя как учреждение, которое успешно выполняет функции организатора большого международного общения.

Второе важное событие — новые раскопки в Московском Кремле. Мы работаем вблизи Соборной площади, в 70 м от Архангельского собора, это самый центр Кремля. Это первая попытка проведения чисто научных раскопок в центральной части Кремля. Все, что раньше делали археологи в Московском Кремле, было в той или иной степени связано с его современным обустройством, реставрацией, прокладкой новых инженерных коммуникаций и т.д. По поручению президента России мы запустили первый специальный проект по археологическому изучению Кремля, ориентированный на получение новых знаний о его истории с использованием самых современных методов археологической науки. Археология вообще не очень быстрая наука, и проект рассчитан на несколько лет.

Российская академия истории материальной культуры, 1919 г.

Пока мы дошли до глубины 3,5 м, вышли на уровень отложений XVI в. Открыты остатки «забытого» здания, занимавшего важное место в ансамбле кремлевских построек, — здания «Новых приказов», возведенного в конце XVII в. Приказы — органы центрального управления Московского государства XVI–XVII вв., предшественники позднейших коллегий и министерств. Раскопки проходили в открытом режиме, и посетители Кремля в течение нескольких месяцев могли видеть фундаменты и цоколь этой постройки. Присутствие в Институте археологии РАН специалистов различного профиля и тесные межинститутские связи позволяют привлечь к изучению кремлевских находок и культурных напластований историков архитектуры, палеоботаников, почвоведов, специалистов по радиоуглеродному датированию.

— До какого века вы хотите дойти?

— Естественно, мы хотим дойти до начала Москвы. Как датируются древнейшие напластования, нам еще предстоит узнать. Но, основываясь на том, что нам уже известно о Московском Кремле, можно полагать, что это будет XII в. Неожиданные находки в нашем раскопе — фрагменты сосудов раннего железного века, I тыс. до н.э. Они связаны не с исторической Москвой, а с ее предшесторией, поселением так называемой дьяковской культуры, финноязычными племенами, предшественниками славян в Москворецком бассейне. Судя по этим находкам, историческому поселению на высоком коренном берегу Москвы-реки предшествовало поселение железного века, запустевшее на рубеже нашей эры, примерно за тысячу лет до строительства здесь крепости Юрием Долгоруким. Мы надеемся уточнить время существования этого поселения на основании радиоуглеродных дат. Вот такой интересный штрих к предшестории Кремля. Нужно понимать, что он не меняет взгляд на формирование древнерусских городов и никоим образом не может быть основанием для передатирования начала Москвы.

— Вы как вице-президент РАН курируете гуманитарное направление науки. Как гуманитарные и общественные науки представлены в РАН? Какие задачи решает ваше отделение?

— Общее название «гуманитарные и общественные науки» объединяет очень различные по своему характеру и содержанию области знания, поэтому говорить о каких-то единых процессах, которые происходят в этой сфере, чрезвычайно сложно. Объединить эти науки под одной крышей невозможно, в РАН они структурированы как три самостоятельных отделения.

Отделение общественных наук координирует работу научных учреждений, значительная часть которых исследует современное состояние нашего общества и прогнозирует — в той или иной части — его развитие. На общем собрании РАН запланирована научная сессия «Фундаментальные проблемы развития современного российского общества». Она должна представить научный взгляд на современную Россию, какой ее видят экономисты, социологи, демографы, правоведы, психологи. Отдельные доклады будут посвящены самосознанию российского общества, современному состоянию русского языка и исторической памяти. Но есть и другие науки гуманитарного профиля, обращенные к изучению отношений человека и мира, прошлого человечества, языков и культур, более дистанцированные от современных проблем, но формирующие наше мировоззрение. Сегодня то, что действительно объединяет столь разнообразные ветви знания и дисциплины, — стремление укрепить свои позиции в условиях реформ, трансформации сферы организации науки, обозначить свои возможности, обосновать свою актуальность.

— Учитывается ли специфика гуманитарных наук при создании этого нового формата? Складывается впечатление, что все мероприятия, связанные с реформированием академии наук, ориентированы на естественные науки.

— Сейчас все согласны с тем, что у гуманитарных наук есть своя специфика, которая должна учитываться при оценке работы институтов, их продуктивности, при разработке тех документов, на основе которых оценивается работа ученых, научных коллективов. Наукометрия, оценки продуктивности по количеству журнальных публикаций и цитирований здесь не работают. С этим согласны и Министерство науки и высшего образования, и наши коллеги из отделений естественно-научного профиля.

Тем, кого часто называют общим именем «гуманитарии», трудно договориться между собой и предложить общие критерии оценки результативности своего труда

Но большинство нормативных документов, регламентов, условий конкурсов по-прежнему ориентированы на количественные показатели. Разработка общих критериев для оценки научных учреждений и исследователей, представляющих разные дисциплины общественно-гуманитарной сферы, оказывается сложной задачей, потому что конечный «продукт», результат научной работы — разный. Главный результат работы языковедов — это очень часто многотомные словари, жизненно необходимые нам издания, составление которых затягивается на десятилетия. Филологи готовят академические издания классиков. Для того чтобы в том же интернете появились верифицированные, точные тексты, нужна очень серьезная работа с рукописями, поиски авторских оригиналов. Важнейшие результаты работы международников — аналитические записки, на основе которых принимаются политические решения. Специалисты в области права готовят новые законопроекты. Свести все это к единому знаменателю очень сложно. Тем, кого часто называют общим именем «гуманитарии», трудно договориться между собой и предложить общие критерии оценки результативности своего труда.

Академик В.А. Тишков в яркой статье, опубликованной в «Вестнике РАН», справедливо отметил, что результаты научной работы во многих гуманитарных науках требуют создания больших текстов, будь то монографии, словари или издания исторических источников. Их невозможно втиснуть в журнальную статью, ужать до объема, приемлемого для *Nature* или *Science*. Вот только что Институт российской истории РАН выпустил два тома документов, относящихся к истории Западной России конца XV — начала XVI в., так называемую Литовскую метрику. Это документы из архивов князей Великого княжества Литовского, ценнейшие источники для изучения политической истории и социальных отношений, значительная часть которых раньше вообще никогда не издавалась. Два тома по 500–700 страниц, работа над которыми заняла годы. Институт

истории мировой литературы выпускает 110-й том «Литературного наследства» (серия выходит с 1931 г.), посвященный И.А. Бунину, 150-летие которого будем отмечать в будущем году. В него вошли тексты первого русского нобелевского лауреата по литературе, которые ранее никогда не публиковались. Для того чтобы их собрать, прокомментировать, потребовалась огромная работа. Такие издания живут десятилетиями, их подготовка — важнейшая форма сохранения культурного наследия и обеспечения навигации в огромном море разрозненных источников и документов. Но они не индексируются в базах *Web of Science* и *Scopus*.

Новые правила игры, которые введены для всех ученых, так или иначе ориентируют нас на написание статей, и гуманитарии вынуждены следовать этим правилам. Количество статей, изданных историками, в том числе в высокорейтинговых журналах, растет. Но количество монографий, объемных публикаций источников сокращается.

Это тревожная статистика. Научные учреждения выполняют план, но гуманитарии, всерьез увлеченные жанром журнальных публикаций, теряют вкус и мотивацию к работе над большими, объемными исследованиями. Если эта тенденция сохранится, мы рискуем потерять главные для гуманитарных дисциплин жанры научных публикаций.

Кстати, увеличение числа журнальных публикаций по гуманитарной тематике, связанное с общей для всех наук установкой на оценку продуктивности научного труда по количеству статей в индексируемой периодике, заметно сегодня и в западных странах и критически оценивается многими гуманитариями. Многие отмечают, что для гуманитариев соавторство в журнальных статьях междисциплинарного характера, публикуемых в высокорейтинговых изданиях естественно-научного профиля, в которых собственный вклад исследователя трудно выделить, не должно оцениваться выше, чем подготовка собственных статей и монографических

В целом историки и филологи склонны к индивидуальному научному творчеству. Мегaproекты, которые рассматриваются сейчас как наиболее продуктивная форма организации научной работы, неорганичны и трудновыполнимы для многих гуманитарных наук

публикаций. Мы движемся в общем тренде, но вряд ли это благотворно для гуманитарной науки.

Объективная и содержательная оценка работы гуманитариев — экспертная оценка независимых и компетентных специалистов. Других вариантов нет.

Специфика гуманитарных наук проявляется и в том, что серьезные задачи могут решаться силами индивидуальных исследователей или небольших коллективов. Масштабные проекты, создание словарей, энциклопедий и общих курсов истории требуют объединения больших команд, но в целом историки и филологи склонны к индивидуальному научному творчеству. Мегапроекты, которые рассматриваются сейчас как наиболее продуктивная форма организации научной работы, неорганичны и трудновыполнимы для многих гуманитарных наук. Отказ от поддержки проектов, выполняемых малыми группами исследователей, в этой ситуации был бы ошибкой.

— Николай Андреевич, в советское время господствовал марксистский подход в оценке всех общественных явлений. Должны ли сегодня гуманитарные науки предложить некое масштабное и глубокое осмысление нашей действительности с какой-то иной точки зрения?

— Научная сессия, которая планируется в рамках общего собрания, будет во многом посвящена этому осмыслению — куда мы идем, что происходит в российском обществе и т.д. Но гуманитарное знание полифонично, в нем всегда есть диалог, разные оценки, мнения. Современная историософия предлагает различные взгляды на мир, различное видение закономерностей исторического процесса. Мы имеем возможность выбора, основанного на самостоятельном изучении идей и теорий — например, аргументов в пользу формационного подхода, представляющего историю как последовательность общих, универсальных для всего человечества этапов, и обоснований цивилизационного подхода, акцентирующего уникальность отдельных культурных общностей. Историк несет ответственность за достоверность изложения фактической канвы исторических событий. Но не стоит навязывать общее, обязательное для всех видение философии истории.

— Вы довольны тем, как сегодня преподают историю в школе, в вузах?

— В разных школах и вузах ее преподают по-разному. Много зависит от учителя. Пять лет назад под эгидой Российского исторического общества был подготовлен и утвержден единый образовательный историко-культурный стандарт (ИКС), представляющий ядро образовательного курса, некий минимум исторических фактов

и интерпретаций, который должен быть основой школьных учебников. ИКС разрабатывался Институтом российской истории РАН и широко обсуждался на различных площадках. На этой основе было создано три линейки учебников, так что учителя имеют возможность выбора. Несколько лет назад по инициативе Института всеобщей истории была создана Ассоциация учителей истории и обществознания, одна из задач которой — совершенствование исторического образования при участии ведущих ученых академических институтов. Академическая наука много сделала для повышения качества исторического образования в школе. Но преподавание истории в вузах, к сожалению, сокращается. В ходе реорганизации университетов во многих регионах исторические факультеты были упразднены. Их заменили факультеты общественных наук с меньшим набором студентов-историков и меньшим количеством учебных часов по историческим специальностям.

— А молодежь сейчас идет в археологию?

— В любом поколении находятся молодые люди, увлеченные археологией. В России сегодня большой дефицит квалифицированных археологов-практиков, способных вести спасательные раскопки на новостройках, работать с археологическими коллекциями в музеях, готовить документы для постановки на учет археологических памятников. Ведь археология — это не только исследования, но и решение разнообразных практических и бюрократических вопросов, связанных с сохранением наследия, описанием и учетом новых находок, поступающих в музеи, составлением археологических карт. К сожалению, кафедры археологии в нашей стране существуют лишь в нескольких вузах. Чтобы хотя бы немного расширить возможности привлечения молодежи в нашу профессию, три года назад была создана кафедра археологии в Государственном академическом университете гуманитарных наук (ГАУГН).

— Скажите, пожалуйста, какой бы вы хотели видеть Российскую академию наук к ее 300-летию? В частности, в отношении гуманитарных наук.

— Хотелось бы, чтобы у академии было больше возможностей для расширения исследований в области гуманитарных наук, для поддержки новых проектов. В России существует глубокий запрос на качественное гуманитарное знание — будь то верифицированные картины древних культур или оценки современного состояния нашего общества, сделанные на основе социологических опросов. Этот запрос во многом не удовлетворен. ■

Беседовала Ольга Беленицкая